

А. В. МАНГИЛЕВА

Екатеринбургская духовная семинария

ЖЕНЩИНЫ В ДУХОВНОМ СОСЛОВИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX В. ПО МАТЕРИАЛАМ КЛИРОВЫХ ВЕДОМОСТЕЙ ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО УЕЗДА

В статье рассматриваются информационные возможности клировых ведомостей для изучения вопросов, связанных с положением женщин в духовном сословии в Синодальный период. Анализ материалов клировых ведомостей Екатеринбургского уезда этого времени позволяет установить, что в источнике содержатся сведения о социальном происхождении жен белого духовства, уровне образования как женщин, так и их мужей, что позволяет определить уровень сословного самосознания. В клировых ведомостях второй половины XIX в. такие сведения встречаются реже, чем в первой половине столетия, зато в случае получения женщиной образования приводятся данные об учебном заведении, а также о месте ее службы (в случае, если она работала). Данные клировых ведомостей по одному уезду представляются недостаточными для серьезных обобщений, но они помогают понять, в каком направлении может развиваться исследование затронутой темы. Изучение положения женской части духовного сословия представляется важным, поскольку может служить маркером уровня самосознания белого духовенства.

Ключевые слова: белое духовенство, женщины, образование, Синодальный период, Екатеринбургский уезд

Женщины в духовном сословии остаются, наверное, наименее изученной его частью. Духовенство становится предметом пристального внимания историков с середины 1980-х гг. Много внимания уделяется как самим клирикам, так и их сыновьям, но матери, жены и дочери остаются в стороне. Такая ситуация объясняется не отсутствием интереса со стороны исследователей, а недостатком сведений, которые могли бы дать представление о женской части сословия. Пожалуй, главным видом источников в данном случае являются документы личного происхождения, следом за ними идет публицистика. Но они дают лишь отрывочные сведения, которые не позволяют проанализировать положение представительниц духовного сословия в целом.

Клировые ведомости, содержащие данные в том числе и о составе семей клириков, представляются источником, способным дать сведения, подходящие для статистической обработки. Тем не менее, возможности использования данных клировых ведомостей по интересующему нас вопросу на сегодняшний день еще не изучены. Соответственно, целью данной статьи является выявление информационного потенциала клировых ведомостей в отношении женской части

духовного сословия. В статье рассмотрены материалы клировых ведомостей Екатеринбургского уезда Пермской губернии XIX — начала XX в.¹ Первоначально уезд входил в состав Пермской епархии, а в начале 1885 г. перешел в состав отделившейся от Перми Екатеринбургской епархии.

Прежде всего, часть клировых ведомостей дает сведения о происхождении жен духовенства. Особенно часто эти сведения благочинные вносили в ведомости в начале XIX в. (когда вообще ведомости заполнялись наиболее подробно и содержали наиболее полную информацию о жизни приходских клириков). Всего в ведомостях, хранящихся в фонде Екатеринбургской духовной консистории, имеются сведения о происхождении 445 жен духовенства. Больше всего среди них было дочерей священников — 187. Дочерей диаконов и церковнослужителей — по 49. В целом внутрисословные браки представляют большинство выявленных случаев. На заключении браков в границах сословия настаивали и епархиальные власти. Первый епископ Пермский Иоанн (Островский) в письме в консисторию предлагал: «Все желающие вступить в священно-церковнослужительские чины, вступая в брак, не брали за себя невест, как только из священно-церковнослужительских дочерей и наипаче из остающихся бедных, но честное и непорочное житие препровождающих сирот. Обучавшиеся же в семинарии, с отличным успехом, богословии, могут брачиться и на сторонах, но не иначе, как только с нашего пастырского позволения».² Таблица 1 дает представление о том, с кем «брачились на сторонах», и возникает сильное подозрение, что далеко не все женщины получили пастырское благословение за успехи в учебе.

¹ В статье использованы материалы клировых ведомостей по Екатеринбургскому уезду, хранящиеся в фонде Екатеринбургской духовной консистории (Ф. 6) Государственного архива Свердловской области. Использованы материалы дел (в скобках указаны годы составления ведомостей): ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 423 (1806), 431 (1809), 445 (1824), 446 (1824), 449 (1825), 451 (1826), 456 (1828), 465 (1832), 466 (1833), 469 (1834), 472 (1836), 483 (1842), 488 (1843), 490 (1844), 498 (1846), 503 (1847), 509 (1848), 510 (1848), 516 (1849), 520 (1850), 521 (1850), 538 (1854), 548 (1856), 551 (1850), 538 (1856), 551 (1857), 559 (1858), 568 (1859), 569 (1859), 576 (1860), 577 (1867), 578 (1860), 585 (1862), 592 (1863), 599 (1866), 600 (1866), 601 (1866), 602 (1866), 606 (1872), 609 (1873), 610 (1875), 611 (1875), 613 (1876), 614 (1876), 617 (1877), 618 (1877), 623 (1879), 624 (1879), 643 (1882), 644 (1882), 645 (1882); ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 2 (1885), 35 (1888), 43 (1890), 81 (1894), 84 (1895), 93 (1896), 164 (1903), 228 (1907).

² Шишонко В. Н. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии. Екатеринбург, 1879. С. 35.

Таблица 1

Социальное происхождение жен духовенства Екатеринбургского уезда

отец	всего	грамоте учена	грамоте не учена	молитвы знает
священник	187	33	66	5
диакон	49	4	18	
церковнослужитель	49	1	26	
офицер	10	1	3	
купец	9	3		
чиновник	9	1	2	
унтер-офицер	11	5	4	
крестьянин	69		22	
мастеровой	30	1	11	
мещанин	19	1	7	1
солдат	4			
почетный гражданин	1	1		

Очевидно, что дочери иереев были самыми завидными невестами среди дочерей клириков, но было ли причиной этого только наиболее привилегированное положение их отцов в среде белого духовенства? Из литературы известна практика, когда при отсутствии сыновей у священника его дочь выдавали замуж с тем, чтобы ее муж занял в дальнейшем место тестя. Но в основном об этом обычае упоминают, когда речь идет о семинаристах, приискивающих не только невесту (до брака получить рукоположение нельзя), но и место службы. Большинство священнослужителей Екатеринбургского уезда в первой половине XIX в. не получили полного семинарского образования, да и дефицита штатных мест до середины 1830-х гг. в Пермской епархии не было. Таким образом, предпочтение, которое получали дочери священников перед другими невестами, можно объяснить желанием женихов получить в будущем священническое место только в отношении второй половины XIX столетия, но как раз в ведомостях этого периода сведения о социальном происхождении жен духовенства указываются редко.

Более того, отцов, судя по всему, не слишком волновали служебные перспективы будущих зятьев: главное было пристроить дочь. В представленной ниже таблице 2 приведены сведения об обучении клириков, происхождение жен которых известно. Обучение в семинарии открывало возможности для продвижения по службе, но в первой половине XIX в., как уже было указано, епархиальным властям приходилось мириться с тем, что большинство кандидатов на штатные церковные места в духовных школах не обучались, либо не окончили курса обучения. В таблице 2 не указывается, какую должность испол-

няли мужа на момент составления клировой ведомости, поскольку на момент заключения брака их служебный статус был неизвестен.

Таблица 2

Уровень образования женатого духовенства Екатеринбургского уезда

<div style="display: inline-block; transform: rotate(-45deg);"> <div style="display: inline-block; transform: rotate(45deg);">тесть</div> <div style="display: inline-block; transform: rotate(-45deg);">зять</div> </div>	священник	диакон	церковно-служитель	офицер	унтер-офицер	чиновник	купец	мещанин	солдат	мастеровой	крестьянин
обучался	61	18	10	6	6	4	7	9	2	3	5
не обучался	104	26	34	4	5	4	1	10	2	25	54
всего	165	44	44	10	11	8	8	19	4	28	59

Данные таблицы 2 показывают, что большинство священно- и церковнослужителей, женившихся на дочерях клириков, не получили никакого образования (63 % женатых на дочерях священников, 59 % женатых на дочерях диаконов, 77 % женатых на дочерях церковнослужителей). То, что дьячки и пономари не могли рассчитывать на женихов с образованием, не удивляет, но и священники вынуждены были выдавать дочерей за не особо перспективных женихов.³

Из представителей других сословий ожидаемо предъявляли более высокие требования к женихам офицеры (в том числе горные чины). Среди женатых на дочерях офицеров не только больше половины обучались в семинарии, но и дошли до высших классов.⁴ Еще более показательной была ситуация с зятьями купцов.⁵ Неожиданно соотношение обучавшихся и необучавшихся у женатых на дочерях чиновников (причем обучавшиеся дошли лишь до середины семинарского курса⁶), но здесь необходимо учитывать, что в клировых ведомостях практически нет указаний на конкретный чин, который

³ И. П. Попов первым браком был женат на дочери мастерового (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 445. Л. 166 об.), вторым браком — на дочери священника (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 572. Л. 184 об.), в связи с чем был переименован из пономаря в дьячка. Перспектив повышения у него как у второбрачного, разумеется, не было.

⁴ Лишь один из офицерских зятьев обучался по риторический класс (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 445. Л. 14 об.), четверо дошли до философии (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 431. Л. 20 об.; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 438. Л. 4 об.—5, 5 об.—6, 7 об.—8), один — до богословия (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 445. Л. 14 об.).

⁵ По риторический класс обучались двое (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 431. Л. 2 об.; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 438. Л. 4 об.—5), по философский класс — трое (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 423. Л. 20 об.; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 431. Л. 20 об.; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 490. Л. 4 об.—5), по богословие — двое (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 423. Л. 6 об.; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 431. Л. 5 об.).

⁶ Все обучались только по риторический класс (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 431. Л. 18 об.; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 436. Л. 42 об.; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 437. 111 об.—112; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 445. Л. 4 об.—5).

имел отец женщины. Также неожиданной является ситуация с зятьями солдат.⁷ Здесь, напротив, можно было ожидать преобладания необучавшихся. Но, во-первых, число солдат слишком мало, чтобы делать на его основании какие-то серьезные выводы. Во-вторых, все перечисленные выше социальные группы (а также мещане и унтер-офицеры) были представлены, прежде всего, в городах, в том числе и в тех, где находились семинарии, так что естественно, что семинаристы могли находить себе невест среди городского населения. Что же касается клириков, женатых на дочерях мастеровых и крестьян, то здесь соотношение обучавшихся и необучавшихся вполне предсказуемо (правда, один из женатых на крестьянках, священник Георгий Горных, обучался в семинарии по философский класс и был рукоположен в сан в возрасте 20 лет⁸).

Во второй половине XIX в. сведения о социальном происхождении жен духовенства практически исчезают из клировых ведомостей. Причины, по которым у церковных властей пропал интерес к этой информации, может быть несколько. Во-первых, данные за первую половину столетия уже свидетельствуют в пользу того, что внутрисословные браки становятся нормой для клириков. Вряд ли власти смущали браки с представительницами дворянства и купечества, но многочисленные браки с крестьянками и дочерьми мастеровых демонстрировали реальный статус духовенства в обществе Российской империи, поэтому именно такие союзы надо было исключить. Растущий уровень образования и сословного самосознания духовенства должны были также способствовать сокращению числа подобных браков.⁹

Во-вторых, в 1869 г. дети духовенства были исключены из состава сословия, с правом вернуться в него уже в качестве штатных клириков. В этих условиях церковные власти должны были утратить не только контроль над брачными стратегиями сыновей духовенства, но и интерес к этому вопросу: большинство браков заключалось до поступления на место при храме. Разрозненные записи в клировых ведомостях в этот период не дают четкого представления о ситуации, тем не менее, можно сказать, что браки с крестьянками так и не были изжиты до конца.

Помимо сведений о социальном происхождении жен духовенства, клировые ведомости могут содержать информацию и об их образовании (вопрос этот, как и вопрос о происхождении жен, не был

⁷ Среди них один даже обучался по философский класс (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 423. Л. 14 об.).

⁸ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 431. Л. 24 об.

⁹ Подробнее см.: Мангилева А. В. Белое приходское духовенство российской империи: От сословия к профессии // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014. № 3 (130). С. 241–248.

обязательным, поэтому наличие информации по этому вопросу зависело от заполнявшего ведомость благочинного). Основная формулировка, встречающаяся в ведомостях «грамоте учена/не учена». Но встречается и просто слово «учена (обучена)», что затрудняет определение уровня обучения. Так, об одной и той же женщине в ведомостях за разные годы говорится, что она «грамоте учена», а позднее — «молитвы знает».¹⁰ Можно, конечно, сказать, что одно другому не мешает, но тогда непонятно, куда делась отметка о грамотности? У двух женщин ранние записи о грамотности позднее исправлены на «неграмотна».¹¹ Очевидно, новый благочинный был строже, но все-таки интересно, как определялся уровень грамотности? В таблице 2 подобные случаи рассматриваются все-таки в пользу того, что женщина была более или менее грамотной. Следует также оговориться, что пометки о грамотности или неграмотности имеются не у всех женщин. Во второй половине XIX — начале XX в. ставятся уже отметки об окончании того или иного учебного заведения, причем они также имеются не у всех.

Прежде всего, обращает на себя внимание сравнительно небольшое число грамотных женщин, происходивших из высших социальных страт. Среди дочерей священников таковых оказалось 18 % (причем реальный процент для первой половины столетия был бы еще ниже: его повышают поповны, получившие уже вполне приличное образование в конце рассматриваемого периода, но учтенные просто в грамотных). Неожиданно мало грамотных среди дочерей офицеров и чиновников, а вот купцы оказались людьми прогрессивно мыслящими. Относительно много грамотных среди дочерей унтер-офицеров. Представительницы низших страт, как правило, были неграмотны.

Гораздо больше информации можно получить об обучении дочерей духовенства. Благочинные должны были вносить в клировые ведомости сведения об обучении сыновей клириков; зачастую они попутно делали отметки и об обучении дочерей. Церковные власти также, судя по всему, интересовались этим вопросом, поскольку уровень образования во многом определял престиж сословия в обществе.

Всего пометки об обучении дочерей грамоте (или чтению и письму¹²) имеются в сведениях о семьях 233 клириков. При этом в че-

¹⁰ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 438. Л. 2 об.-3; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 451. Л. 149–150 об.

¹¹ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 438. Л. 22 об.-23, 43 об.; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 456. Л. 22 об.-23, 35 об.-36.

¹² Дочь священника Ольга Алексеевна Серебrenникова, по сведениям ведомости, к 18 годам была «обучена некоторым наукам и рукоделию» — такой нестандартной записью хотели подчеркнуть более серьезный уровень домашнего образования, чем обычно (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 609. Л. 19 об.-20).

тырех случаях обучены грамоте были только старшие дочери, тогда как напротив имен младших (достигших девяти и более лет) стоит отметка «не учена».¹³ Только в одном случае объясняется причина: «За косноязычием оставлена обучением».¹⁴ Объяснить причину в других случаях довольно сложно; возможно, родители, убедившись в том, что грамотность старшим дочерям не пригодилась, не стали заботиться об обучении младших.

Кроме этих четырех случаев, отметка «не учена» имеется в сведениях о дочерях еще 90 клириков, причем имеются и поздние отметки. В 1882 г. благочинный делает отметку «неграмотна» напротив имени дочери исправляющего должность псаломщика И. Т. Затопляева 23-летней Таисьи.¹⁵ Еще в двух семьях у взрослых дочерей стоят отметки «обучена рукоделию»,¹⁶ что можно рассматривать как намек на то, что обучением другим премудростям родители пренебрегли. Тем не менее, подавляющее большинство случаев неграмотности дочерей приходится на первую половину XIX в. Необходимо также отметить, что отметки о грамотности либо неграмотности имеются в этот период не у всех дочерей духовенства. Вероятно, такие отметки были личной инициативой отдельных благочинных, тогда как церковная администрация даже на епархиальном уровне не придавала этому вопросу большого значения.

С начала 1860-х гг. в клировых ведомостях появляются более подробные сведения о том, где проходят или проходили обучение дочери клириков. В 42 случаях имеются отметки об обучении в начальной школе. Не всегда понятно, о школе какого ведомства идет речь, но очевидно, что духовенство вполне лояльно относилось к земским школам, несмотря на ожесточенную полемику между сторонниками земских и церковно-приходских школ в печати. По программе земских школ велось обучение и в детском приюте М. А. Нурова, который посещали дочери диакона и пономаря екатеринбургского храма Сошествия Святого Духа.¹⁷

¹³ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 431. Л. 124 об.–125 об.; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 445. Л. 96 об.–97 об., 159 об.–160.

¹⁴ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 423. Л. 44 об.

¹⁵ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 643. Л. 21 об.–22. Семья в целом не была преуспевающей. Старшая из дочерей, Афанасия, служила просфорней, младшая, Александра, «вступила в сем году во второй законный брак с крестьянином Сусанского завода Верхотурского уезда Андреем Ларионовым Закожурниковым». Видимо, отметку о неграмотности Таисии благочинный поставил потому, что она еще не утратила возможности выйти замуж.

¹⁶ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 609. Л. 121 об.–122; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 614. Л. 6 об.–7.

¹⁷ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 568. Л. 32 об.–33, 36 об.–37.

Следующей ступенью в церковной системе женского образования было епархиальное училище. История Екатеринбургского женского училища была довольно сложной. Оно выросло из сиротского приюта, существовавшего при Екатеринбургском Ново-Тихвинском монастыре. В 1838 г. был утвержден устав училища для девиц духовного звания. В апреле 1880 г. четырехклассное монастырское училище было преобразовано в шестиклассное Зауральское епархиальное женское училище, то есть формально отделилось от монастыря, хотя и продолжало существовать в основном за его счет, что порождало многочисленные споры монастыря с духовенством зауральских уездов Пермской, а затем — Екатеринбургской епархии (в связи с выделением самостоятельной епархии в 1885 г. училище было переименовано в Екатеринбургское епархиальное женское училище).¹⁸ Соответственно, это училище фигурирует в клировых ведомостях под разными названиями в зависимости от года составления ведомости.

Отметка об обучении дочерей в училище Ново-Тихвинского монастыря имеется в 25 случаях. К ним можно добавить дочь священника Н. Г. Чиркова Елизавету, которая обучалась «грамоте и рукоделию» в Кунгурском женском монастыре.¹⁹ Обучение в епархиальном женском училище (Зауральском или Екатеринбургском) отмечено в 37 случаях, причем в двух из них девушки были оставлены при нем воспитательницами.²⁰ Еще в трех случаях дочери клириков обучались в Казанском женском духовном училище. Точнее, в одном из этих случаев дочь священника Ольга Константиновна внесена в ведомость уже как жена также священника Е. Н. Львова. Ее муж был сыном псаломщика в селе Михайловском Кокшайского уезда Казанской губернии и окончил Казанскую духовную семинарию, поэтому понятно, что он женился на девушке, также обучавшейся в Казани.²¹ В двух других случаях речь идет о дочерях священников — местных уроженцев,²² поэтому причины, по которым их отцы предпочли Казань, определить нельзя. Причины эти могут представлять интерес, поскольку обычно духовенство жаловалось на нехватку средств на обучение детей, и отправка дочерей дальше от дома, что вызывало дополнительные расходы, выглядит странно. Может быть, в Казани жила какая-то родня.

¹⁸ См.: Печерин А. В., Богомолов В. В. Под попечением монастыря: История зданий Екатеринбургского епархиального женского училища (1838–1919) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 36. С. 222–250.

¹⁹ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 611. Л. 97 об.–98.

²⁰ ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 43. Л. 53 об.–54; ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 164. Л. 76 об.–78.

²¹ ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 164. Л. 4 об.–7.

²² ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 578. Л. 5 об.–6 об.; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 643. Л. 27 об.–28.

То, что жалобы на недостаток средств не были надуманными, доказывает пример дочери священника И. М. Ставровского Александры, которая была «уволена из епархиального Екатеринбургского женского училища по недостатку средств содержания родителя».²³ Тем не менее, клириков, пожелавших дать дочерям образование в светских учебных заведениях, было не так уж мало. В 21 случае имеются записи об обучении в Екатеринбургской женской гимназии, 1 — в Пермской.²⁴ В 4 случаях дочери клириков обучались в прогимназии. Дочери трех священнослужителей обучались «в домашней школе г-жи Верещагиной», причем отцы всех трех (священник и два диакона) служили в Вознесенской церкви Екатеринбурга.²⁵ В 2 случаях девочки обучались в частном пансионе в Екатеринбурге.²⁶ Встречается в клировых ведомостях и свидетельство возросшей заботы о детях-инвалидах: дочь священника И. Т. Тимофеева Мария «получила образование в Московском училище глухонемых».²⁷ Наконец, клировые ведомости свидетельствуют о том, что дочери духовенства обучались и на высших женских курсах.²⁸

Получение среднего образования давало возможность работать учительницей в начальной школе. В ведомостях делаются отметки, что дочь того или иного клирика имеет свидетельство на звание учительницы.²⁹ Как правило, работали до выхода замуж,³⁰ либо после

²³ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 643. Л. 87 об.—88.

²⁴ ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 43. Л. 13 об.—14.

²⁵ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 623. Л. 80 об.—82, 83 об.—84, 84 об.—85.

²⁶ «Окончила курс в частном пансионе г-жи Берваль» (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 568. Л. 40 об.—41); «частный девичий пансион» (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 611. Л. 3 об.—4). Из-за большой разницы во времени составления ведомостей нет возможности узнать, идет ли речь об одном и том же пансионе или разных.

²⁷ ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 84. Л. 93 об.—94.

²⁸ Дочь священника В. З. Земляничина Александра после окончания училища при Ново-Тихвинском монастыре поступила на высшие женские курсы при Казанском университете (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 606. Л. 80 об.—81; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 623. Л. 110 об.—112); дочь священника В. К. Кожевникова обучалась на высших женских курсах в Петербурге (ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 43. Л. 74 об.—75).

²⁹ Дочь диакона Г. И. Семенова Екатерина «имеет свидетельство на звание учительницы сельских народных училищ» (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 617. Л. 65 об.—67), дочь священника А. П. Дерябина Мария «педагогическим советом Екатеринбургской гимназии удостоена звания учительницы сельского приходского начального народного училища, состоит помощницей учительницы Нижнесельского народного училища Екатеринбургского уезда» (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 645. Л. 34 об.—37); жена священника Н. В. Топоркова Елизавета «кончила курс Камышловской прогимназии со званием городской учительницы» (ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 84. Л. 47 об.—48). См. также: ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 617. Л. 3 об.—4.

³⁰ Упомянутая в предыдущей ссылке Мария Дерябина в более поздней ведомости записана без упоминания работы учительницей, но указано, что она «замужем за смотрителем золотых приисков» (ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 84. Л. 29 об.). Еще записи о службе

смерти супруга.³¹ Особенно интересна ситуация, в которую попали дочери священника Г. В. Зубкова (друг и одноклассник по Пермской духовной семинарии руководителя Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина), женатый на его сестре Антонине). Обе дочери, Любовь и Александра, окончили училище при Ново-Тихвинском монастыре, после чего Любовь «2 года была преподавательницей латинского языка в Московской классической женской гимназии г-жи Фишер, а нынче там же обучается по всем предметам». Младшая сестра окончила Екатеринбургскую женскую гимназию в 1877 г., «занимается изучением древних языков и обучает девочек чтению, письму и арифметике».³²

Также может представлять интерес появляющаяся в некоторых клировых ведомостях во второй половине XIX — начале XX в. информация о замужних дочерях духовных лиц. Сведения эти доказывают, что именно в браках дочерей духовное сословие быстрее всего теряет былую замкнутость. Как пример можно привести семью диакона Ипполита Ивановича Неводчикова. Оба его сына продолжили церковное служение отца, тогда как дочери вышли замуж за представителей самых разных социальных групп: Мария — «за сельским обывателем Каменского завода Камышловского уезда Василием Яковлевым Петуховым», Ольга — «за псаломщиком Логиновского села Екатеринбургского уезда Владимиром Ивановым Тихомировым», Хариесса — «за кондуктором Уральской железной дороги Николаем Яковлевым Дьячковым».³³

Таким образом, данные клировых ведомостей позволяют выявить социальное происхождение жен духовенства, уровень образования жен и дочерей духовенства, в некоторых случаях — возможные варианты замужества дочерей духовенства. В статье приводятся данные только по одному уезду, что сокращает возможности использования клировых ведомостей как источника. Привлечение большего массива ведомостей помогло бы компенсировать имеющиеся лакуны, а также проследить динамику тех или иных процессов (например, изменение

дочерей духовенства учительницами и помощницами учителей см.: ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 624. Л. 13 об.—14; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 643. Л. 54 об.—55; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 644. Л. 92 об.—95; ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 84. Л. 6 об., 23 об., 40 об.—41, 97 об.—98, 110 об.—113; ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 164. Л. 29 об.—30, 42 об.—43, 66 об.—67). Самый ранний случай отмечен в ведомости за 1862 г.: дочь дьячка Г. Ф. Ребрина Анна, 24 лет, «занимается обучением девиц» (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 585. Л. 55 об.—56). Какое образование имела она сама не указано.

³¹ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 624. Л. 2 об.—5.

³² ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 606. Л. 78 об.—79; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 623. Л. 109 об.—111.

³³ ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 84. Л. 19 об.—20 об. Судя по фамилии, не исключено, что кондуктор был выходцем из семьи духовенства.

показателей грамотности для женской части духовного сословия). Тем не менее, несмотря на относительную узость источниковой базы, можно сделать вывод не только о росте грамотности на протяжении рассматриваемого периода, но и о повышении качества женского образования в духовном сословии. Рост уровня женской образованности свидетельствует о развитии сословного самосознания (обучение дочерей, в отличие от сыновей, не было неперенным требованием церковных властей, в лучшем случае — пожеланием). Выбор учебных заведений также свидетельствует о том, что образование понимается духовным сословием как важный социальный ресурс, поэтому духовенство старается использовать любые возможности для более серьезного обучения дочерей.

Что же касается социального происхождения жен духовенства, то здесь большую роль играет политика как высших органов церковного управления, так и государства. В начале рассматриваемого периода церковное руководство стремится сократить число внесословных браков, поскольку их большинство заключалось с представительницами низших социальных страт. К концу периода, в связи с попытками государства разрушить замкнутость духовного сословия, препятствия для межсословных браков исчезают, но уже само духовенство предпочитает браки внутрисословные, так что в теории две эти противоположные тенденции должны вступить в конфликт, но какая из них оказалась сильнее, на исследуемом источниковом материале установить невозможно. Поскольку указание происхождения жены не было обязательным пунктом в клировой ведомости и оставлялось на усмотрение благочинного, можно предположить, что в других случаях поиск этих данных может привести к большему успеху.

Список литературы

- Мангилева А. В.* Белое приходское духовенство российской империи: От сословия к профессии // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014. № 3 (130). С. 241–248.
- Печерин А. В., Богомолов В. В.* Под попечением монастыря: История зданий Екатеринбургского епархиального женского училища (1838–1919) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 36. С. 222–250.
- Шишонко В. Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии. Екатеринбург, 1879. 396 с.